

200 ЛЕТ МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Александр Киселёв,
доктор исторических наук, профессор

1 января 1816 года графа А.К. Разумовского на посту министра просвещения Российской империи сменил князь Александр Николаевич Голицын. По своим человеческим качествам, политическим пристрастиям, интересам и умонастроениям он был прямой противоположностью попавшему в царскую немилость графу. Если А.К. Разумовский отличался неуживчивым, заносчивым и в известной мере чванливым нравом, то А.Н. Голицын, напротив, располагал к себе добродушием, лёгким и покладистым характером, смешливостью и мягким юмором. Недаром Александр I — далеко не поклонник Бахуса, когда имел нужду в дружеском застолье, неизменно приглашал к себе Александра Николаевича. Саша Голицын был, что называется, «для души». Они росли вместе, и князь для императора олицетворял мир детских забав и шалостей, светлых и прекрасных дней детства и юности.

Александр Николаевич был «своим» для придворной знати. Он происходил из древнейшего, но крайне обедневшего к концу XVIII века рода. Заботу об одном «из беднейших князьков Голицыных» взяла на себя Екатерина II, определившая мальчика в пажи. В этом качестве он стал участником детских игр будущего императора.

Сашу готовили в гвардейские офицеры, и образование он получил поверхностное, но вполне достаточное, чтобы стать поручиком лейб-гвардии Преображенского полка, а затем и камергером. Но с воцарением Павла I карьера при дворе оборвалась. Молодого камергера вынудили покинуть столицу и переселиться в Москву. Здесь он занялся самообразованием, пристрастился к чтению, особенно исторических исследований. В тот период Александр Николаевич являл собой типичный образ великосветского молодого человека, взращённого на идеях французского Просвещения, вольтерьянства и даже немного якобизма. «Деизм, — вспоминал впоследствии А.Н. Голицын, — который в то время был признаком людей высшего общества и хорошего тона, был, так сказать, моя рациональная принадлежность и составляла всё моё верование». Поверхностная вера в Бога сменилась столь же поверхностной верой в рационализм и в «силу общественного прогресса». И каково же было удивление петербургского общества, когда в 1803 году Александр I назначает князя А.Н. Голицына главой Святейшего Синода! Выбор, разумеется, был обусловлен одной причиной — стремлением императора иметь на этом ответственном посту близкого и преданного человека, который бы не использовал церковь в качестве тормоза либеральных реформ. Сам А.Н. Голицын всячески противился назначению, но император был непреклонен. Вначале Александр Николаевич, и будучи обер-прокурором Синода, продолжал вести, мягко говоря, «рассеянный» образ жизни и, как вспоминал позднее, «в чаду молодого разума» посещал известного рода девиц, которые и представить не могли, «что у них на этот раз гостит сам обер-прокурор Святейшего Синода». Да и доклады императору он поначалу писал, ёрничая по поводу «закопчённых свечами комнат» и «чернецов в мрачнейших рясах». Но после отповедей Александра I тон докладов пришлось сменить и взяться за службу со всей ответственностью и всерьёз.

Видимо, правы те, кто утверждает, что бытие определяет сознание. На посту обер-прокурора Синода Александр Николаевич стал в буквальном смысле преображаться. Рационализм сменился религиозностью. «Рассеянный образ жизни» — воздержанностью и благочестием, на смену увлечению французскими энциклопедистами и идеями, далёкими от самодержавной традиции, пришёл интерес к Священному Писанию. Теперь утро Александра Николаевича неизменно начиналось с чтения Библии и молитв. Насколько подобная эволюция затронула глубины души князя, в наши дни судить трудно. Заметим лишь, что религиозность Александра Николаевича росла пропорционально религиозности Александра I. Однако искренность возраставших с возрастом религиозных чувств императора сомнению подвергать не станем. Вспомним, что вот уже более ста лет историки спорят, действительно ли

Александр I умер в Таганроге в 1825 году или покинул трон, о чём многократно говорил в течение своей жизни, и тихо ушёл в мир иной в облике старца Фёдора Кузьмича на далёкой заимке под Томском в 1867 году в возрасте восьмидесяти семи лет. Как бы то ни было, но в характере и политике Александра I после войны 1812 года произошли серьёзные изменения. Главными для него становятся евангелические заповеди, а либеральные идеи, столь привлекательные в начале царствования, уже не манят, а пугают возможными социальными последствиями. Жернова Великой французской революции с её светлым и высоким лозунгом «Свободы, Равенства, Братства» перемололи жизни сотен тысяч людей. Свобода, братство в итоге обернулись диктатурой и императорскими притязаниями Наполеона Бонапарта, ввергшими Европу в череду войн с многочисленными людскими потерями. Впрочем, для Великого Корсиканца такой разворот событий был естествен, ибо он любил говаривать, что «жизнь миллионов людей для него ничего не стоит», а в изгнании ради развлечения ходил смотреть, как на кухне рубят головы петухам и курам. Видимо, кровь и предсмертный трепет тел, но теперь птичьих, напоминали ему об остроте былых сражений...

Новейшая история Европы заставляла Александра I над многим задуматься и прежде всего над той ценой, которую нужно заплатить, чтобы разрешить социальные и политические проблемы путём революции. Российский император становится инициатором Священного Союза с его основной идеей религиозно-нравственного регулирования международных отношений. На первых конгрессах Союза Александр I поднимал вопросы об одновременном сокращении вооружённых сил европейских государств, о взаимных гарантиях неприкосновенности территории, о принятии международного статуса лиц еврейской национальности и другие, предвосхитив многие международные гуманистические инициативы. Однако позже Александр тяжело переживал, что союзники сплотились против России и что Священный Союз использовался, в первую очередь, Австрией как средство подавления народных движений.

Во внутренней политике Александр I предпринял ряд мер, направленных к тому, чтобы ужесточить режим, усилить личную власть и продвигать людей консервативного типа, прежде всего А.А. Аракчеева. Звезда М.М. Сперанского и подобных ему политиков близилась к закату.

Императора волновало брожение умов в обществе, когда после войны 1812 года одни продолжали идеализировать ценности «века просвещения» в духе Вольтера и Монтескье, другие, напротив, предлагали чуть ли не сжечь «крамольные» книги и предать анафеме то, чему ещё вчера поклонялись, третьи — метались между крайними точками зрения, имея в голове сумятицу мыслей и идей. Особенно волновали умонастроения молодёжи, чьи пылкие сердца всегда были открыты радикализму и революционным настроениям. Вспомним, дети той эпохи — декабристы — были людьми молодыми...

Образованию было уделено первостепенное внимание. Акцент делался на воспитание, а не на определение только той суммы знаний, которой должны овладеть ученики и студенты. В воспитании главным становится привить у молодёжи «благочестие и религиозность». В тот период личность обер-прокурора Святейшего Союза как нельзя лучше соответствовала реализации новой концепции народного просвещения. В октябре 1817 года под руководством А.Н. Голицына было сформировано новое ведомство — Министерство духовных дел и народного просвещения. В нём организационно воплощалась идея соединения религии и образования. В царском манифесте об учреждении нового министерства говорилось, что «христианское благочестие» должно лежать в «основании истинного просвещения» и новое ведомство обязано «сочетать навсегда науку с религией и скрепить благотворный между ними союз».

В структуре Министерства духовных дел и народного просвещения были образованы Департамент духовных дел и Департамент народного просвещения. Первый состоял из четырёх отделений, курировавших основные конфессии. Второй также включал четыре отделения — Главное правление училищ, училищное (переписка с учебными округами), по особым заведениям, хозяйственное. Штат ведомства насчитывал 110 чиновников.

Руководящим органом министерства было Главное правление училищ — «Совет министра по части училищных заведений в учебных округах». В его компетенцию входили вопросы как учреждения новых учебных заведений, так и совершенствование содержания обучения на всех ступенях образовательной системы. Причём в составе Главного правления действовал Учёный комитет, имевший задачу рассматривать учебные книги и пособия на предмет их использования в учебном процессе, а также проектов «по учёной части».

Серьёзно изменился руководящий состав министерства. Тон стали задавать известные своими ультраконсервативными взглядами М.Л. Магницкий, Д.П. Рунич, А.С. Стурдза. Они-то и составили печальную славу новому министерству и его руководителю своими доведёнными до абсурда действиями ревнителей благочестия в гимназиях и университетах.

Особое внимание было уделено университетам — центральному звену российской образовательной системы. А.С. Стурдза и М.Л. Магницкий клеймили протестантские университеты Германии как рассадников революционной заразы и преподносили в качестве идеала католические университеты Англии и Франции. По докладу М.Л. Магницкого был буквально разгромлен Казанский университет, из которого уволили «ненадёжных профессоров», а для «укрепления» руководства ввели, наряду с ректором, должность директора. В его обязанности входило: искоренять дух «вольнодумства... в преподавании наук философских, исторических и литературы»; запрещать «вредные либо соблазнительные чтения и беседы»; оказывать покровительство студентам, «отличающимся христианскими добродетелями». Всем профессорам гуманитарных дисциплин были даны жёсткие инструкции по содержанию лекций. Студентов обязали присутствовать на всех церковных службах, а по их рвению к молитве судили о степени благонадёжности. Провинившихся студентов отдавали в солдаты. М.Л. Магницкий пытался даже сжечь университетскую библиотеку, но чиновник Дунаев спрятал её в подвале. Подобного рода «преобразования» в той или иной степени коснулись и других университетов. Добились лишь дискредитации министерства в глазах общества, раздражения и напряжённости в профессорской среде, потери интереса дворянской молодёжи к учёбе в отечественных университетах. Из-за травли ведущих профессоров и замены их людьми менее квалифицированными понизился уровень университетского образования. Существенный урон был нанесён преподаванию философии, естественного права и других наук. Дело дошло до того, что С.С. Уваров был вынужден оправдываться за открытие физико-математического факультета в Санкт-Петербургском университете.

По проблемам общего образования развернулись жаркие дискуссии. Нападкам со стороны ретроградов подверглась «пагубная система энциклопедического образования». Главную цель А.С. Стурдза, И.С. Лаваль, М.Л. Магницкий видели в религиозном образовании, а вред — в многопредметности учебных курсов уездных училищ и гимназий.

Здоровую позицию занимал С.С. Уваров. Он считал необходимым, во-первых, поднять уровень начального образования, справедливо утверждая, что «без надлежащей постановки воспитания простого народа вся система народного просвещения — здание на песке», а во-вторых, провести чёткие границы между ступенями образования и убрать из гимназических курсов «политические и философские науки», которые должны основательно изучаться в университетах. С.С. Уваров выступал не против многопредметности как таковой, а за то, чтобы разгрузить общее образование, убрав не свойственные ему предметы. По его мнению, главная задача гимназии — быть «средоточием» между низшими училищами и университетами. Существенным недостатком позиции С.С. Уварова был излишний акцент на изучение древних языков, это противоречило его тезису о том, что общее образование должно давать знания «полезные и нужные каждому человеку», или, говоря современным языком, быть практикоориентированным.

В марте 1819 года Главное правление училищ утвердило составленные Учёным комитетом новые учебные планы гимназий, уездных и приходских училищ. Гимназические курсы были существенно разгружены. Из них были исключены мифология, всеобщая грамматика, основы права, начальный курс философии и изящных искусств, основы политической экономики и коммерческих наук. Гимназиям был придан тот образовательный характер, который

мог удовлетворить большинство юношей, не особенно стремившихся в университеты. В гимназиях изучались Закон Божий, языки (греческий, латинский, немецкий и французский), география, история, статистика, логика и риторика, математика, физика и естественная история, рисование. Из курса уездных училищ исключены начала естественной истории и технологии, сокращены курсы географии и истории, латынь стала обязательной только для готовящихся в гимназию. В учебных планах уездных училищ остались Закон Божий, русская грамматика, чистописание, правописание, арифметика, геометрия, начала физики, рисование. Для приходских училищ оставили все предметы преподавания, положенные по уставу 1807 года. В результате пересмотра содержания система общего образования приобрела большую цельность, рациональность и преемственность между её отдельными ступенями, что в целом благотворно сказалось на её дальнейшем развитии.

В конце царствования Александра I всех гимназий было 48 с 5491 учеником, а уездных училищ — 337 с 29479 учениками. К этому следует прибавить учебные заведения, занимавшие среднее положение между гимназиями и университетами, а именно так называемое «высшее училище» в Петербурге, Ярославское Демидовское высших наук училище, лицей Кременецкий, Нежинское высшее училище, коммерческое училище в Таганроге, одесский Ришельевский лицей.

В период, когда в университетах ещё не закончилась борьба за преподавание на русском языке, лекции читались на французском, немецком, латинском, студенты на торжественных актах произносили речи на иностранных языках, когда французская речь господствовала в гостиных, важное значение имело развитие русского языка, распространение его на сферу просвещения как главную движущую силу прогресса российского образования, науки, культуры. Особую роль в развитии и распространении русского языка сыграло организованное при Московском университете Общество любителей русской словесности. Председатель этого общества с 1811 по 1826 год — замечательный педагог А.А. Прокопович-Антонский, который ратовал за общественное воспитание дворянских детей, доказывал его преимущества и укорял аристократию в том, что ей не хватает «любви к родному языку, вкуса и разборчивости». Подчёркивая важность изучения родного языка, А.А. Прокопович-Антонский говорил: «...ревнуя об успехах природного языка, стараясь раскрывать его богатство, величество, красоты, мы исполняем святой долг любви к Отечеству, мы приносим достойную его жертву на алтарь просвещения». Общество любителей русской словесности и его председатель сыграли самую благую роль, не дав одержать «победу» крайним силам во главе с А.С. Шишковым, связывавшим дальнейшее развитие русского языка с церковнославянским, который к тому времени стал архаикой. Усилиями отечественных просветителей после войны 1812 года русский язык «входил в права свои, доселе несколько оскорбляемые чужеземным наречием». В период министерской деятельности А.Н. Голицына преподавание на русском языке расширялось, что благотворно сказывалось на развитии российского образования и просвещения.

Если отбросить всё наносное и уродливое, проявившееся в последний период царствования Александра I, следует особо подчеркнуть, что именно в то время в образованной части российского общества начало формироваться отношение к «просвещению» как к феномену национальных традиций; зрело убеждение, что просвещения абстрактного, вообще, без национальных корней не существует, как не существует без них искусства, культуры, образования и воспитания. Система образования тоже несёт на себе печать исторической судьбы, характера своего народа и должна отвечать глубинным и сущностным потребностям нации как самобытного и уникального явления в мировой истории. Это отчётливо, рельефно, с душевным трепетом и чувством выразили Н.М. Карамзин, М.М. Сперанский, С.С. Уваров, а позже с особой силой отразил в своём творчестве А.С. Пушкин.

Деятельность Министерства духовных дел и народного просвещения всё больше заходила в тупик. Сама идея соединить в одном ведомстве «управление религией и просвещением» была крайне неудачной, а на практике вредной как для церкви, так и для развития образования. Для церкви прежде всего потому, что министерство явилось крайней формой ого-

сударствления духовных дел, наносившей колоссальный урон моральной и нравственной силе православной церкви и других конфессий. Страдало и образование. Под личиной ревнителей веры, таких, как Магницкий, крылись бездуховность карьеристов, готовых молиться любому богу и заставлять это делать других, лишь бы продвигаться вверх по служебной лестнице. Голицын и «его команда» нанесли серьёзный ущерб религиозному воспитанию. Это вскоре осознали представители русской православной церкви, которые стали относиться к князю чуть ли не как к главному врагу Православия. Против Голицына был решительно настроен и А.А. Аракчеев, который устроил архимандриту Фотию и митрополиту Серафиму несколько аудиенций у императора. Архимандрит Фотий, тридцатилетний монах, высокий, с измождённым лицом, буквально завораживал слушателей проникновенными речами. «Заворожил» он и Александра I, который в ответ на обличение Фотием Голицына сказал: «Ты мне прямо с небес послал ангела своего святого возвестить всякую правду и истину». В 1824 году последовала отставка князя А.Н. Голицына, а вместе с ней и упразднение Министерства духовных дел и народного просвещения.

А.Н. Голицын стал жертвой собственного характера. Как вспоминал Ф.Ф. Витель, «этот добрый, этот бедный князь делался всегда собственностью людей, при нём находившихся: то сумасбродов, то злоумышленников, то невежд, то изуверов, и деяния его тотчас окрашивались их мнениями и характером. Неисчислимо зло, причинённое целому государству сим кротким созданием, которое, как слон Крыловой басни, с умыслом и мухи не обидело».